

Ольга Ъш

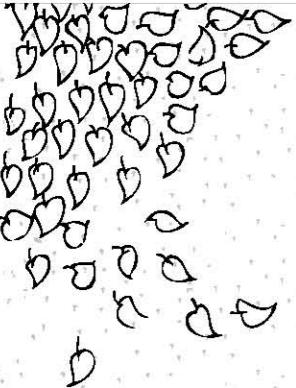
Пара Пятен

У нас на двоих с тобой, детка,
На стекле пара грязных пятен -
Время в воздух стреляет метко
Наготов оловянных распятий.

Время скжалось до крохотной точки
По периметру наших чайний.
Все прошедшее стало «вшпрочем»,,
А грядущее – невзначайным.

Детка, брось, не заламывай руки,
Как актриса грошовая. Станется,
Тоже будешь делить на сутки
Время, что нас двоих касается.

Время жмется ладонью к ладони,
Оплетая, как сетью, словами.
Детка, время делить – больно,
Как пятно меж двумя зеркалами.

mon ami

Писать тебя городами и точками.
Такая тонкая, Господи, в вену просишься.
С кем ты, сонная, ветром носишься?
Кому шепчешь в ночь «*mon ami...*»?

Писать тебя... между строчками
Губ тугой эфес, Мефистофель без поводка,
И ты бровь поднимаешь слегка,
Словно шпагу. Считаешь до – «раз, два, три».

Меняешь сюжетную линию при
Остром недостатке средств и персонала.
Я тебя черно-белой писала
И чертовски холодной внутри.

С кем ты, сонная, путаешь дым
И сто сорок ролей в чужих лицах?
Свет бежит по ослепшей странице,
Повторяя абрис *mon ami*.

ВЕСНА

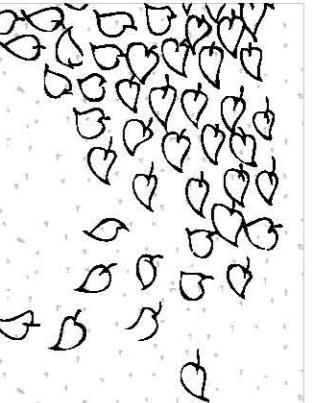
Весна не придет в этот город. Заплачет.
Растаивший лед будет пить как лекарство от стресса.
Неровной поступью щлюхи гуляет твоя поэтесса
И бредит вполголоса «демон, мне скучно». Мачты,

Перила и белые пары в звенящих повозках —
Такая нервозная осень, точнее зима... Россыпь
Ее алых бус, крепкий чай, так кричаще не к месту позы,
И губы накрашены слишком вульгарно и броско.

А ты ей рисуешь на скатерти прерии штата Огайо,
мимозы в снегу и как небо трепещет от крыльев.
Она глядит в ночь. Там, где простынь еще не остыла
Все исходит дурманом весны и... наверное, снами.

И бродить бы ей все по безлюдным мостам и аллеям,
Посвящая стихи всем парижским и бостонским шлюхам.
Красный свет фонарей поломает в ночи ее руки
В придорожную тень. Демон лижет худые колени.

Кит

Твой образ внутри – саднит.
Я – белый прибрежный кит,
Дышу в унисон с бризом пустынных дюн

Кит - белый седой баюн,
Ни разу он не был юн,
Лежит на боку и вечность уже как спит.

Ты прячешь во мне облака,
Чтоб кит ближе к звездам летал,
Чтоб скрасить седины серебряным светом луны

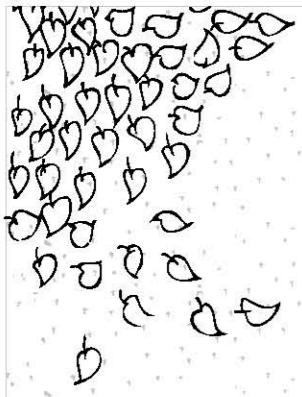
А я – шлю тебе сны,
Чтоб ты не ждала до весны,
Чтоб ты, только ночь, приходила наверно сюда.

mari chouette

у одной любви два разных пути
самое страшное, что может произойти:
самое странное, что может произойти
у одной любви два разных крыла
два разных ангела, две мелодии, два угла
и одна душа.

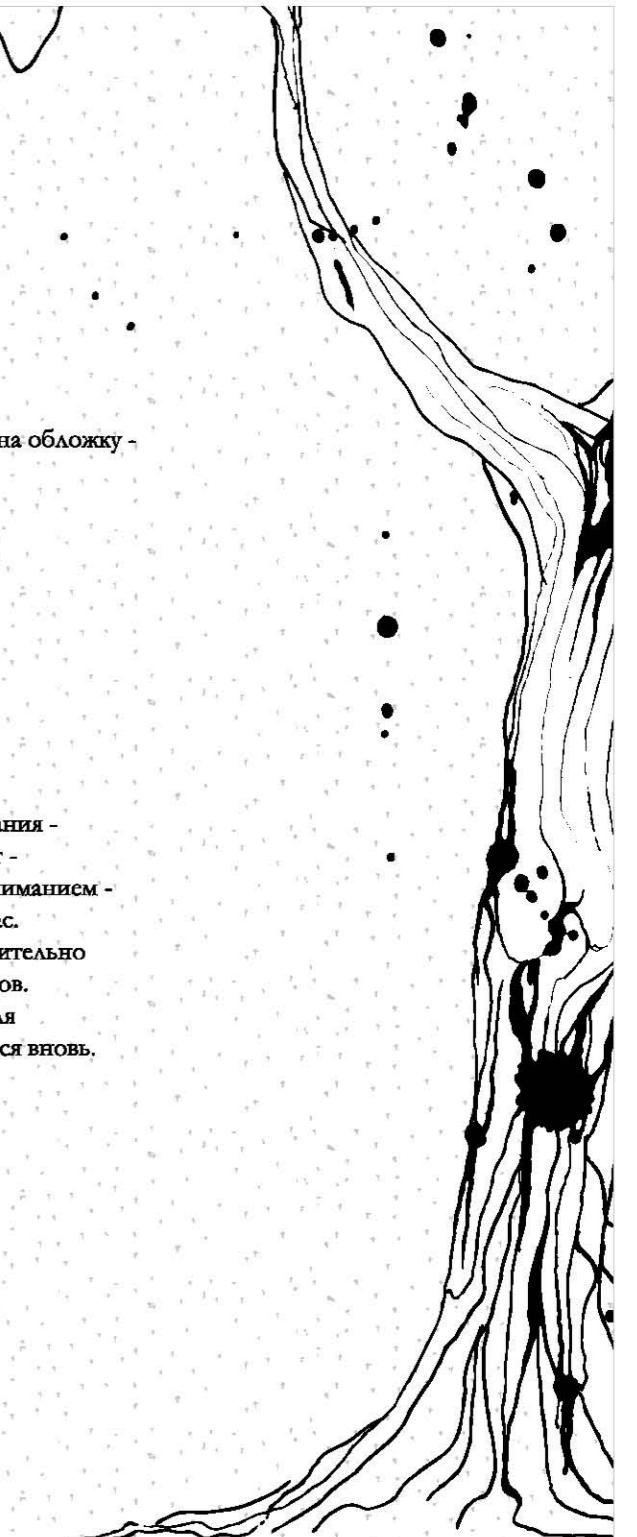
рвется, только соединясь,
и если когда-нибудь потеряет связь..
то лучше бы умерла.
как пешки, уходят с шахматного стола
общие их мысли, истории, их дела.
рвется любовь, дом свой не сберегла,
мечется по сердцам
через границу
чтоб не забыть лица
мечется птицей
выбилась вся из сил...
кто их просил, ну скажите, кто их просил??

ух, как задам тебе трепку, когда придешь!
и вот не ври, что оттуда не возвращаются -
это опять наивная твоя ложь.
ты не помыл посуду, оставил нож
в комнате. мне одной теперь с этим маяться.
завтра на рынок, потом посмотреть кино
ты не купил билеты и так смываешься
там, говорят, становится все равно
там, говорят, летаешь и забываешься.
только в моих глазах без тебя черно.
ты возвращайся, я даже взяла вино.
сидем, расскажешь, как Он там нам улыбается.

я никогда с тобой не заговорю
руки твои не согрею, шампанского не попью.
я никогда не перестану смотреть как ты
похож на все мои боли и все мечты.
ты никогда не узнаешь, как я хожу,
что не попу каблуки, где одна брошу.
и никому это в принципе и не нужно,
только
хамелеонистая твоя наружность,
рыжие-белые-черные волосы и очки,
брать твой, твои тараканы в твоей коробочке,
темные, постнакуренные зрачки
просто похожи на всех «господи, прости»,
на всех моих сумасшедших – до невозможности.

переверни жизнь с последнего форзаца на обложку -
если захочешь.

подготовь мостовые поручни и дорожки
а уж потом старые поджигай.
читай поколение в блогах, твиттерах,
чувствуй его кожей.
не уходи от старого - убегай.
и так по спиральной лестнице
(история – серпантин),
одни замолчат, умрут, перебесятся,
иной устоит – один.
а ты перешагиваешь через мнения их, названия -
арт-хаус стакан тебе в старости не подаст -
но впитывай, слушай, останься одним вниманием -
смотри, что жестокое время рождает в нас.
смотри, как меняется вид за окном стремительно
смотри как язык начинает хиреть – с основ.
устрой себе мир-музей, заведи смотрителя
глядя, но не трогай. уйдешь, но вернешься вновь.

если захочешь
читай книгу с титульного листа.
история повторяется неспроста.

Аня Романтика

«Впрочем можно и так смотреть на море на тебя в мониторе»
Кира Фрегер

так приятно любить лирического героя
когда расстояние через всю Россию
еще не такой образ нарисует фантазия
самый необъективный художник
да к тому же продажный и семь пятниц

а вам повезло жить в таком городе
который снится через ночь и в эту тоже снился

пою под гитару не те песни не тем стенам
а там хорошо где нас нет и даже лучше
мой город похож на ма-а-аленский Питер
особенно в центре вот только неровно-нервный
и более истеричный от пробок не спасает метро
но дышится так же впрочем я не об этом
вы вот бросаетесь глупостями
а я себе разрешаю верить и мечтать
что привезу в ваш Питер немножко снега

делаю ставку на правду со своей стороны на откровенность
но какая может быть правда с таким воображением
на таком еще расстоянии!

так что рассказывайте сказки мне я всему верю
в вашем королевстве мне заблудиться

Слава Богу у Питера есть край
а у компьютера выключатель

одиночество – от моего имени производное
два десятка осеней уместились в пяти слогах
неуместное вовсе слово, давно немодное,
на шаг впереди меня, как в сказке кот в сапогах

долгое время в кармане лежит наготове перчатка,
хочу бросить вызов, вот бы только найти причину,
а пока набираюсь сил, наедаюсь овчаркой,
чтоб кошкой броситься на очередного мужчину

избыточная нежность внутри не может долго храниться,
это, как старая бомба, не ждешь, а она взорвется,
по инерции изучаю на улицах лица,
но то ли плохой психолог, то ли помехой солнце

и почему-то мое занятие считается глупым
(не трудно ж найти с кем постель делить на половины!)
снова и снова по грязным улицам хлюпать,
искать на асфальте следы-полутени мужчины...

достаю телефон посмотреть время и о времени забываю
вроде бы показало 13:10 не в мою пользу
твое как живешь ставит в тупик ну как-то ведь выживаю
плоды принесли деревья непосаженные весною

осень странное время года с таким сильным
звуком «с» и еще взрослением
сочными красками с черно-серым подтекстом
и яблоками под ногами – этой осенью урожайно:

сбывается все что хотелось когда-то и уже не хочется
остаётся снова уточнить время дописать строфу
читать тебе стихи не рискуя спросить,
за что мне этой осенью твои влюбленные

кошачьи глаза остается выйти на улицу
лицом к лицу к моей мудрой осени
сесть в автобус прислониться лбом к стеклу
и насвистывать осенний звук не скрывая слезы

мне остается осень

Иван Ахмадиев

Владивостоку

Листья мои – руки мои, сто тысяч зеленых рук
Назым Хикмет

Две тысячи песен из моря выходят, играют тебе.
И сто миллионов рук тянут касанья к тебе.

Я, клянусь, такого как ты не встречал никогда,
и бусы из мутных жемчужин своих подаю тебе.

Ты мне брат и отец, ты мне друг и любовь, пойми,
все, что искал вокруг, я все же нашел в тебе.

Я хотел убежать, я предателем стать хотел,
но из объятий чужих и богатых домов тянет меня к тебе.

Я глядел во сто тысяч зеркал, пытаясь себя найти,
но в лицо твое посмотрел и увидел себя в тебе.

И гляжу в тебя, словно мы с тобой близнецы,
и о себе говоря, лишь говорю о тебе.

И рисую слова на бумаге слюною и кровью своей
так, что на тысячу строк – тысяча – о тебе.

Вены мои – сотни асфальтовых ласковых змей,
они и вели меня на пути и к себе, и к тебе.

Змеи дорог ты расстелила, томно тянутся под весной –
они знают, как я, что любая весна – о тебе.

И где бы я ни был, увижу тебя я, закрыв глаза,
Твоя кровь – в моих жилах, сердце мое – в тебе.

Ladytron

космические корабли летят сквозь наши квартиры
с Дэвидом Боуи на ободранных обоях,
мы смотрим мультфильм «Трансформеры» и мечтаем свалить в Париж,
и проваливаемся еще глубже в сине-красно-желтые стены,
прокуренные спальни, отсутствие секса, танцы на табуретках,
все чаще провалы, все больше калибры,
улыбаемся с балконов в космос,
8bit'ные разговоры за чашками бульона и упаковками лапши,
Парижа по другую сторону ладоней,
под ногами вверх тормашками город другого
полушария или тысячелетия,
уничтожая вчера и завтра в идиотизме пыльных кресел
и черствого хлеба с кетчупом,
из сигаретного дыма под потолком, как тать из тумана – надежда
что на этих космических кораблях для нас когда-нибудь все же найдется место.

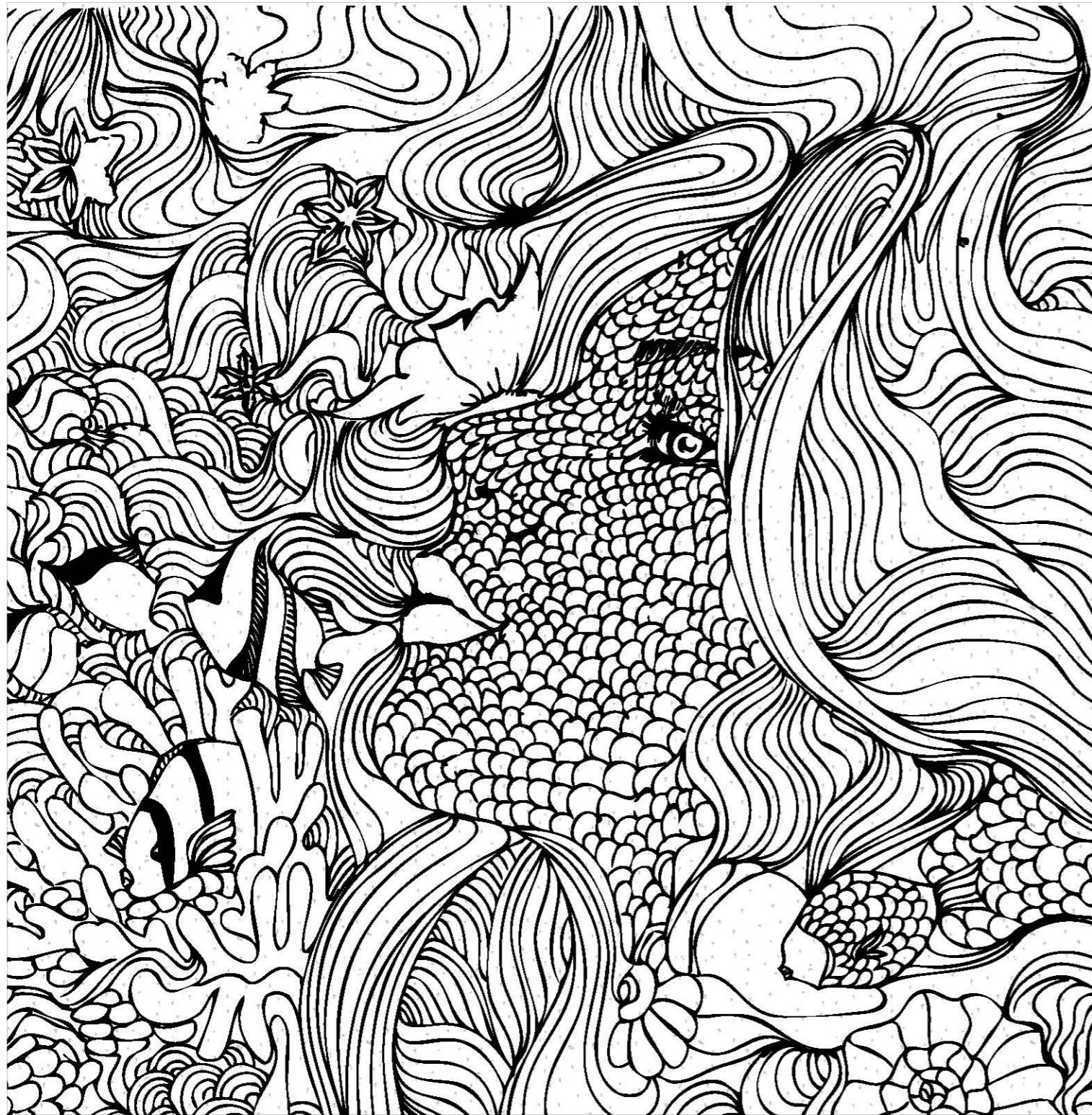
inspired by live_ari6ki

ice-cream channel
губы в оранжевой краске
холодные сердца на спутниковых каналах
и теплые
в самой середине мороженого
вафельные хрупкие
хрум-хрум признания
кrrрэцц губы в оранжевой
улыбки –
НАСТОЯЩИЕ!
- настоящие?
-настоящие.

радио передает
что незачем сейчас его слушать
проводы гудят о том же
этого ждать можно целую жизнь!
закуривать при встрече.

на самых последних этажах
ветер на наших пальцах платком затянулся сигаретой
ментоловой
сладкое липкое
но не менее дорогое тсссс
вот что
для самолетов кораблей и космических спутников
в красивых подарочных утра обертках
и парфах и-мэйлов
под настоящим шоколадным сиропом
ice-cream channel

Анастасия Киселева

Я раньше покупала много книг –
И до сих пор еще не все читала.
А жизни, что я черпала из них,
Мне было мало. Безнадежно было мало.

Но из клубка широких перспектив,
Талантов, планов, творческих стремлений,
И нитки ни одной не ухватив,
Я упустила весь клубок – из лени.

Куда причалить? – В тысяче портов
Принять меня в объятия готовы.
Вот только через несколько часов
Я снова мчалась отдавать швартовы.

И снова покупала стопки книг,
И снова половины не читала.
Ведь жизни, что я черпала из них,
Мне было мало. Безнадежно было мало.

После меня

Лежало гранитное сердце в камнях.
В коллекцию в самую пору!
Ушла, не заметив, как после меня
От горя рассыпались горы.

Забросила сердце в замшелый мешок.
Коллекция мне надоела.
А горы...

Волна полоскала песок
И камешками шелестела...

Дубовое яблоко

I

Под деревом в сугробе, как на троне,
У лужицы оттаявшей воды
Сижу и жду, что дерево уронит
В мои ладони первые плоды,

Лишь в сентябре природа плодоносит.
Вгляделась – а вокруг еще зима.
Презрев ее, я жду, когда же бросит
Мне дуб в затылок яблоко ума.

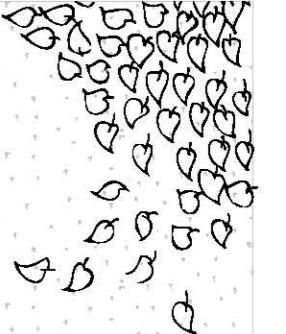
II

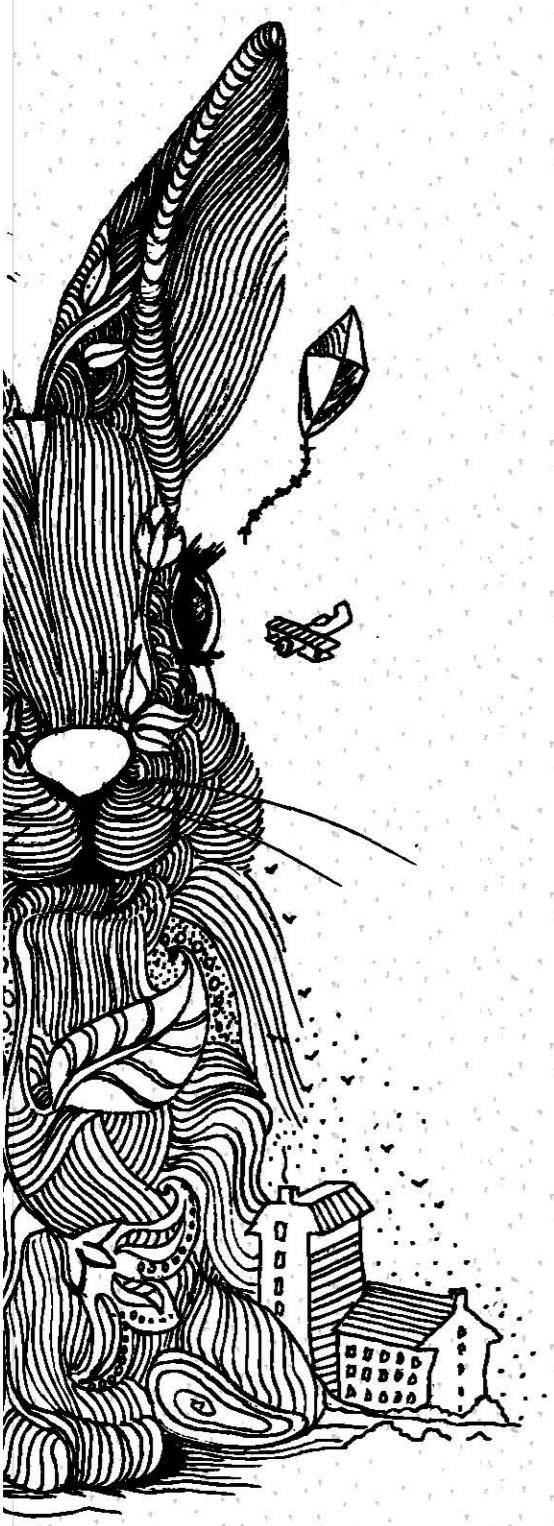
Ждать яблока под дубом так же странно,
Как у любимых требовать любви.
Сходи, коль хочешь, в сад и плод желанный –
Любое яблоко спелое – сорви.

Так нет же. Кулаки сбиваю снова
О двери, что надежны, как броня.
И не ступлю через порог другого
Жилища, что открыто для меня.

III

Каждому «Да» уготовлено «Нет».
За тенью по следу волочится свет.
На каждую правду приходится ложь,
На «верю» любое найдется и «врешь».
К любому доброму прилагается месть.
На дубе любом свое яблоко есть.

Кот Москвы

вполне обычный город

вполне обычный город стоит за шторой,
но ты привязан, но ты — прикован.
люди не знают: "а что такое?".
в подобных вопросах ты не подкован,
поэтому:

делаем вид, что у нас все в порядке.
в порядке истерики? это вряд ли.
оставим хищнические повадки
и постоим со статуи взятки гладки.

и лишь бы никто не тронул, не догадался,
что хищник в тебе настойчиво щелкает пастью,
что хищника надо бы им бояться,
но он так любовно выкормлен и так бесподобно умеет
ластиться,
что каждый, кто рядом окажется,
тут же в него влюбляется.

с годами он вырос, окреп, стал опаснее и хитрее.
ты больше — не человек, ты обложка на суперклее,
ты — обертка, подрамник, черт знает что за такое.
хищник в тебе завоевал уже все территории.
и все, что ты хочешь, — не дать ему из тебя вырваться.
и вот из последних сил себя запираешь в комнате.
слушаешь: он недоволен, обижен, он выпускает когти,
он говорит: "я хочу, выпусти, дай мне шанс".
ты понимаешь: выпустишь, после — будет не обуздить.
крепко сжимаешь зубы, статуей замираешь,
на все засовы его изнутри запираешь.

он злится, рычит, его ярость сочится с губ,
он угрожает, что будет чрезмерно груб,
он прыгает с места на место, он бьется лбом,
обещает тебе какой-нибудь внутренний перелом.
но ты неподвижно сжимаешь челюсть,
представляя, что ты — гранит.

а он воет внутри, он внутри скрывает:
«выпусти меня, выпусти, — говорит. —
какой к собачьим чертам из тебя гранит?
не видишь, что ли, я крепко сбит,
я моложе тебя и куда сильней,
проломлю оболочку твоих костей,
но ты по-хорошему выпусти, себя пожалей».

ты разжимаешь губы, чтобы промолчать
о том, ПОЧЕМУ нельзя его выпускать.

и в эту секунду он понимает все.
«ты что? — говорит. — с ума, что ли, сошел?!
да не буду я твою девочку трогать!» врет.
врет, потому что вылезет и сожрет.
оставит ее без сердца, к другой уйдет.

а ты так надрывно клялся ее беречь
во время нелепых случайных встреч,
когда она и не думала тебя замечать,
а от хищника — таяла, приходила его ласкать.
ты должен во что бы то ни стало его сдержать,
чтоб она ни о чем не знала,
чтоб смогла спокойнее спать.

и ты напрягаешь все жилы —
но держишь его внутри,
хоть тебе и — пронзительно, остро — больно.
делаем вид и стоим спокойно.
делаем вид, что стоим спокойно.

Бульк

у города тонкие вены – надрывные провода.
продеваю линию горизонта сквозь рукава.

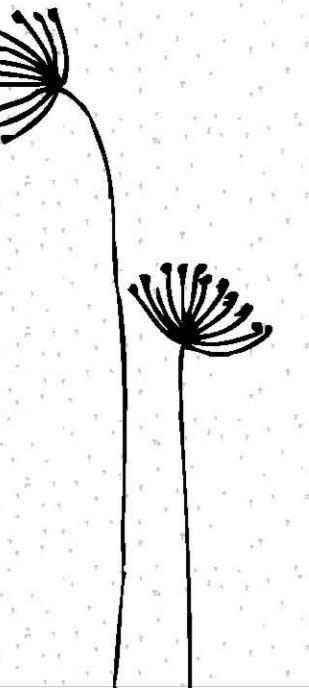
моя девочка не выдержит, отдаст свою
нежность другому
моя боль по протяженности равна расстоянию
от Вайоминга до Оклахомы.
измерять любую потерю километрами уже
вовсе не ново,
и немодно учиться летать, падая из
гнезда-балкона.

у города многотомная анатомия,
но до последней клеточки его помню я.

моя девочка – мой сладкий живой нарыв, мой
постоперационный шов, –
говорит, что не вытерпит, не дождется моих
шагов.
я наугад выбираю из тысячи поездов,
но все они идут по другому маршруту, как в
худшем из наших снов.

у города раздетые узкие переулки.
роняю фотоаппарат из порванной сумки.

моя девочка пишет: «температура страсти
близка к нулю».
я захлебываюсь ее равнодушием и обреченно
иду ко дну.
умоляюще прижимаюсь щекою к Садовому
моему кольцу
и тону в ярко-оранжевом и
спасительно-шумном его кругу.

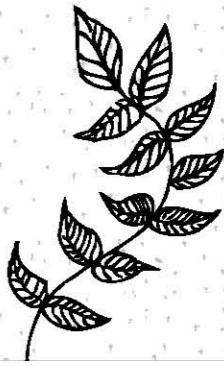

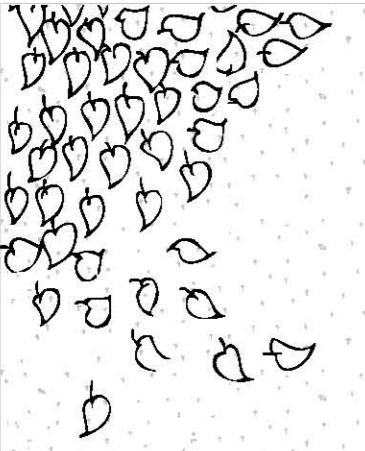
Про славу

прославиться =
стать небожителем,
в карманах баблом хрустеть,
купить мерседес - надоел? - купить BMW.
стать охуенным от Пако Рабанна (или как там он
пишется?)
дебоширить в щикарных клубах, смотреть, как
движется
восторженная толпышка, создавая водоворот.
делать не так, как нужно, - а ровно наоборот.
чтобы всем нравилось, всем хотелось «еще разок».
выходить только под «бис!», «браво!»
и восторженный шепоток.
говорить: «нет, не гений, ну что вы... зачем же так?
я просто талантлив. запишите - у меня неземной
талант».

и чтобы по городу – афиши только с моим лицом,
чтобы опасно было спускаться в метро.
чтобы в газетах восхищались моим тиражом,
чтоб я – на сцене, а в зале – полным-полно,
чтобы называли меня литературной звездой,
чтобы для всех стать первой величиной.

прославиться =
разбить сотню-другую сердец
чтобы
ТЫ ЗАМЕТИЛА МЕНЯ НАКОНЕЦ!!!

Андрей Вороной

а с утра тебе говорят ты похудел, дорогой.
а с утра мокрым снегом потеет сопка.
с утра ты забавный такой
да и утро настало вечером и солнце робко.

устрицей прячется за туман
ты еще молодой и от зеленого чая пьян.

ну а ближе к темени ты звонишь невпопад
набирая как правило тех кто будет теперь недоступен.
говоришь говоришь и отступает ад,
и зеленый чай продолжает толочь в ступе.

выпей деточка это тебя спасет
все равно вечером никто не придет.

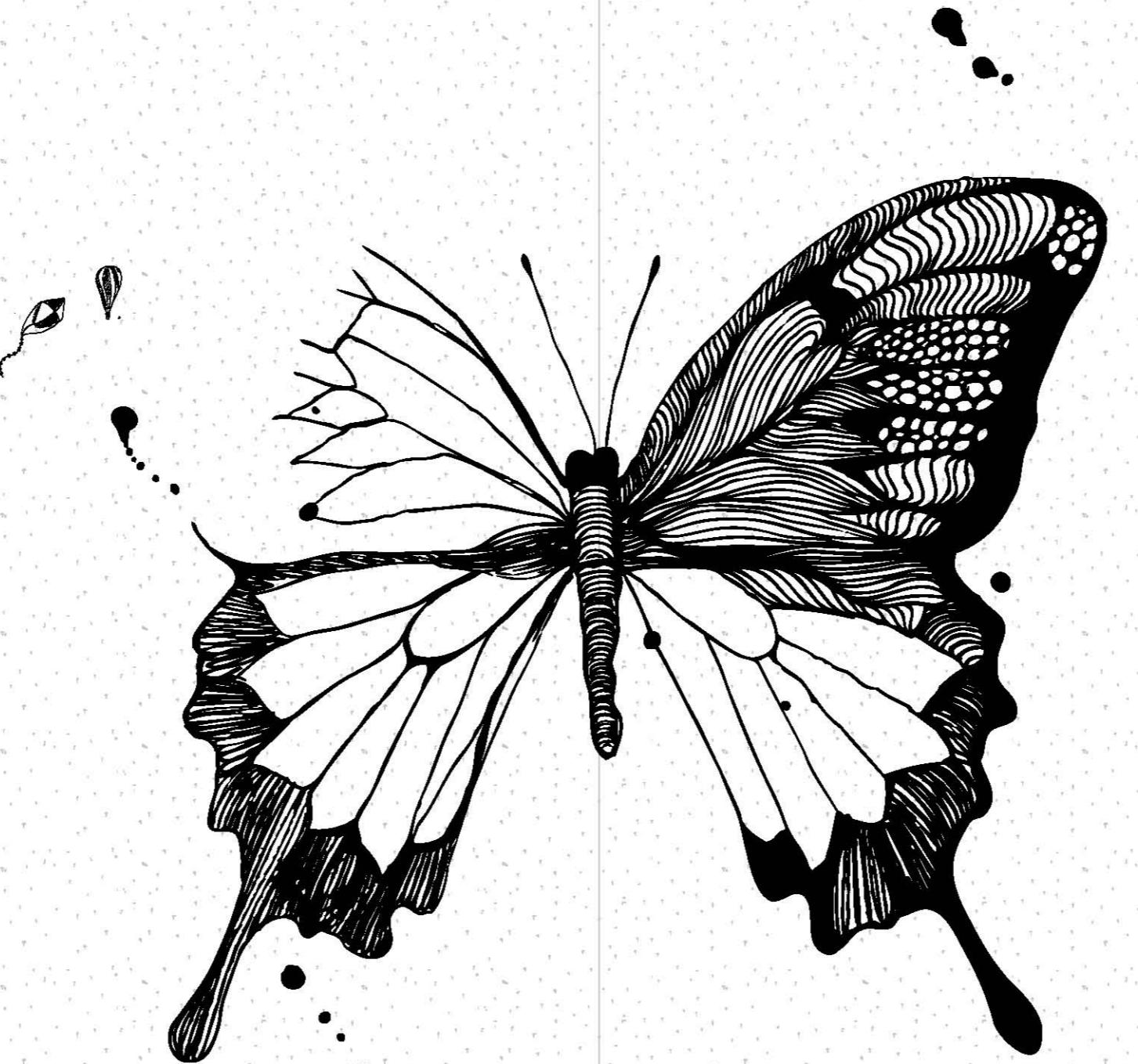
и не страшно право ибо пришел покой.
серебро покрывает скулы, взбираясь все выше и выше.
только в зеркале ты - все еще молодой.
а из зеркала можно шагнуть на крышу.

ветер воет за стеклами как колокол, что звонит по тебе.
что неважно. но может быть быть беде.

я с ними длительное время.
и нет верней и нет опасней.
парней таких и не сыскать.
с которыми
приятно вместе
быть
ебаться
над их
порочностью и сладостью:
мой грех –
моя звезда
три парня
два коричневых
один светлее
белокурой
скандинавки
тот первый он сухой и стройный
он любит белые и тонкие одежды
и без него я задыхаюсь иногда
а второй в минуты тяжкие
опора и надежда
определенко всех он горячей
последний – мой любимый.
он опасен
быть с ним – как завтракать с пантерой
разный он
шипящий или
обжигающий
хотя когда он охладел
милей всего
(и у него имен не сосчитать)
три, но – не братья
вы всегда во мне
когда ваш тонкий хуй
меня пронзает
мне не уйти
о, никотин!
о, кофеин!
о, алкоголь!

Теперь с охранницей своей ночуя,
я вновь доволен.
И пью отраву поцелуя,
как скифский воин
что шлемом черпал воды Дона
и дно царапал.
Но ни один солдат, мадонна,
таких не трахал,
что преданы беспрекословно,
пусть нелюбимы.
Из благодарности дышу я ровно,
кончую мимо.
Читатель, знаю, ты вздохнешь:
«Ах, кобелина...»
Но не гляди, солдат на вошь, –
все поправимо.
Ведь если же на мне шинель,
она из драпа,
такую лишь коко шанель
могла бы состряпать.
а из шинели вышел тот,
кто суетою
словесною бывает сыр.
Полей достоин
он элизийских или вод
холодных Стикса,
удобрил пастой свой живот
или постится.
Какой резон, какая гиаль!
О саго mio,
теперь мгновений этих пыль
неотвратима.
И чьи глаза запорошил
она – неважно.
Бредет со скрипкой вечный жид,
ему не страшно.

Mezcal con Gusano

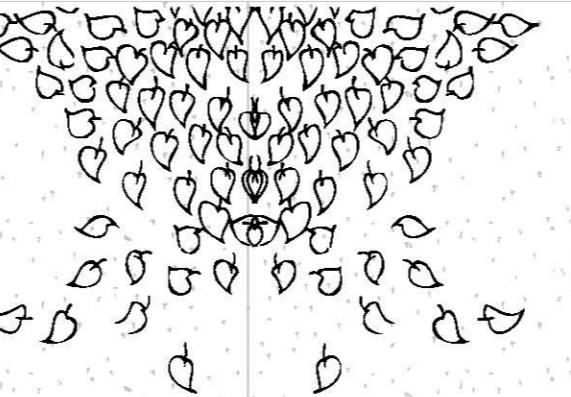
mezcal con gusano,
mezcal con gusano
в волнах самогонки
червяк из колючей,
колючей агавы.

(сердце мое пронзают иголки –
вынуть их некому нежными пальцами!)

как часто глаза твои множат текилу
как часто глаза твои горечь рождают

mezcal con gusano,
mezcal con gusano...
как просто быть пьяным.
как сладко быть пьяным!

(сердце мое пронзают иголки –
вынуть их некому нежными пальцами!)

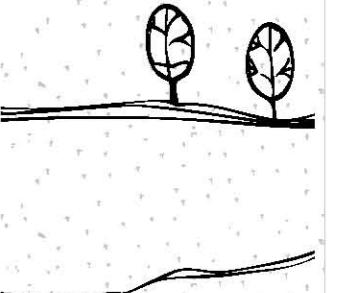
тогда ты и сам
(твое сердце, точнее)
на дне той бутылки.
mezcal con gusano,
mezcal con gusano...

как часто глаза твои множат текилу
как часто глаза твои горечь рождают.

на дне той бутылки
твое сердце и баста!
mezcal con gusano -
червяк в самогоне.

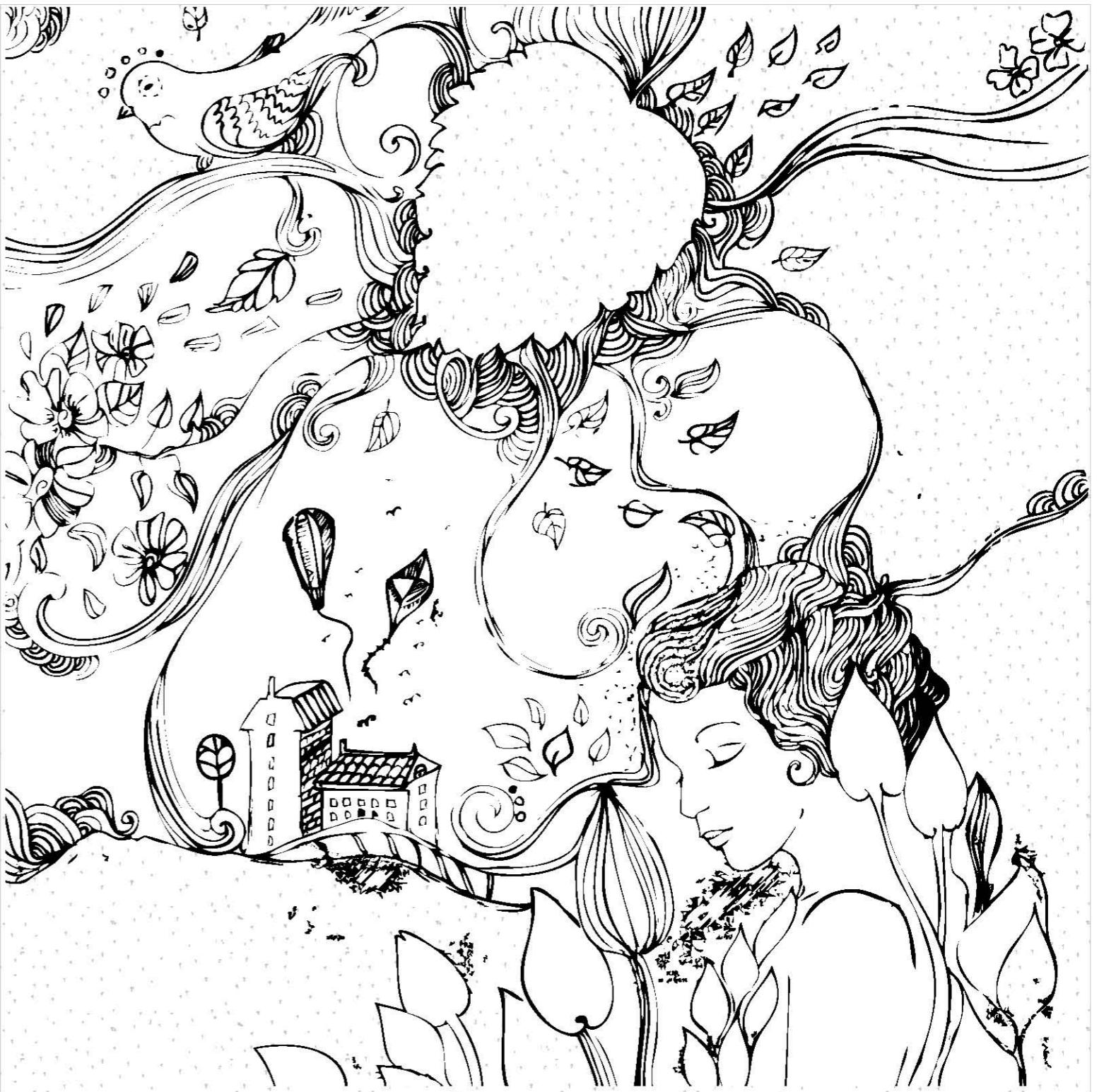
и вот тебе горечь,
и ты уже пьяный!
mezcal con gusano -
отдай свое сердце!

(и сердце, как прежде, пронзают иголки!
mezcal con gusano... и пальцы неловки)

Валерия Федоренко

в этом городе гаснут солнца и дышат кони
и из города день уходит жалеть коней
а февральской ночи застывшей в чужих ладонях
от твоих поцелуев становится только больней
и рыбачат до самой весны старики на льдине
их уносит ветром детка на южное побережье
в этом городе осколочно-желтом щемяще-синем
на последнем да я хочу да становись не моим нежным
я уже в фонарях и русалках и нечем совсем дышать
и угадываться сложнее и жутко в пол-улицы разминуться
в этом городе зябко кутайся в шаль засыпай душа
засыпай душа моя авось повезет проснуться

Девочка едет в кузове
небесного грузовика —
чтобы там, где восточнее только лютня,
где дороги смяты и зимы люты,
разлюбить тебя, дурака,
пригодно.

Ей осталось всего два берега, два попутчика, два глотка,
с каждым вдохом легче смеяться о тех, кто пока не умер
и о тех, кто живет пока.
Память, как воскового ангела, девочка держит в руках.
День начинается так осторожно-блузово,
словно знает, что ночь была коротка.

Девочка носит краюху времени
в старом потрепанном рюкзаке,
каждой собаке дает откусить,
рассказывает своих первых встречных,
что хочет играть на флейте и едет к большой реке.
Заплетает волосы.
Волосы пахнут вчерашним дождем,
чужими людьми.
И она понимает, что Бог — есть:
Что пока она едет в кузове, Он есть.
Что лучше спрыгнуть, чем разлюбить, то^т ami.

Девочка хочет подарить тебе небо,
хотя бы на прощание — немного неба,
встает на цыпочки, почти взлетает —
и не дотягивается до неба.
Как никогда не дотягивалась до тебя.

Катя, которая дала мне ручку, чтобы записать это
стихотворение, и N, за то, что он есть

По смычку контрабаса
от Европы до Азии — меньше дня.
конец света из твоего рассказа
войдет в меня.
Медленно, мягко, как пьяный,
как черный кот по двору.
«Малышка, когда тебе станет не рано,
я умру...»

Абсурда

Пульс

Сердце заходится бешеным пульсом,
Истекает неровным ритмом.
От меня и от тебя в отличие
Сердце не умеет быть осторожным.
Оно не знает, что кофе его сажает,
Не ведает, что вино не греет.
Оно все в жажде, ему все мало!
Рвется, безумное, птицей наружу
Ему наплевать, что зима на подходе
И холод по-скотски его сжимает
В жесткий корсет из кровавой стужи.
Ему наплевать, что в чужих объятьях
Ты празднуешь нового дня рожденье.
Оно умеет прощать, в отличие от меня.
И оно умеет хотеть, вопреки словам,
К тебе...

Оно не умеет спать.
И каждая ночь как будто в огне
От того, что сердце кипит, как чайник,
И просится выломать дверь,
Пробить в теле выход
И новым сквозным пирсингом
Украсить грудную клетку.
Я больше так не могу.
С этим чертовым сердцем
Ни поесть, ни уснуть,
Ни выдохнуть, ни вдохнуть...
Я его тебе подарю.
С потрохами его забирай!
Только уди из моей головы,
Забрав с собой свой
Игрушечный рай...
И скрип моих жил,
И этот ужасный пульс,
Унеси с собой мою жизнь
И каждый последний вдох.

Сердце неровно настроено,
В «до» звучат вены,
Басовым заходится воем.
Ритм-секция!
Сердце заходится
В истерике.
Сердце бьется.

Созвучная слову «люблю»

Созвучием слову «люблю»
Писк раздавленной птицы
С хрустом полых костей
И хлюпаньем крови.
Скряжущее тонок
И страшен немнога,
Но больше печален.

А добрые дети,
Невинность и честность:
«Смотрите, дохлая птица!
Смотрите!
Кишки у нее наружу
На шине авто
Расползлись по асфальту,
Как черви.
Б-е-е, какая смешная!
Давайте потыкаем палкой!»

В последнее из самых последних
Мгновений
Жизни летучей
Глупая птица
Смотрит стеклянным глазом
На небо,
Чувствуя смех в пространстве
И слабенький отзвук
Хрустнувших ребер
От детской палки
Созвучием слову «люблю»...
Но никто не увидит уже
Ни боли,
Ни страха,

Друг мой, скажи мне,
Как там с той стороны?
И как с такой высоты
пронзительной падать.
Больно?
Друг мой, прости мне
все самые детские сны!
Потому что никто не простит
мне их.
Кроме тебя...
Друг мой, зажги свет
Под веками прожитых лет
Иль под кожей кого-то из нас.
Далеко до конца
пути.
И, в отличие от тебя,
Мой друг, мне еще идти и идти.
Прости мне мои грехи
И мою печаль.

Потому что никто
Кроме тебя
Не простит.

Не увидит единого корня у слов
«прощать» и «прощай»...

Станислав Шолохов

Интерес

Интересно, как приходит,
Утро следом за молчанием.
Как меняются предметы
В мире, полном ожиданья.

Как случаются мгновенья
И находят тех, кто верит.
Интересно слышать мненья,
Что ни капли не изменят.

Интересно ночью летней,
Вдоль идти пустого парка.
Видеть лица и движенья,
Где лишь тьма укрыта жарко.

Где движенье океана
Вторит мерному дыханию.
Где трамвай стучит по рельсам,
Словно сердцу изваянье.

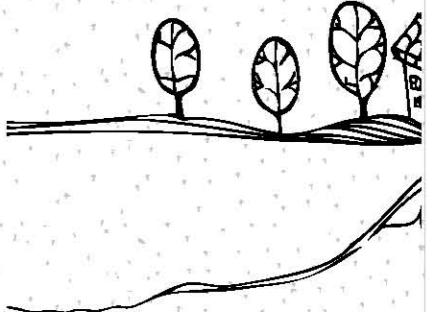
Интересно отраженье
В небе осени спешащей.
Где закон о вечном треняи
Применяет лист летящий.

Где рассыпаны дороги,
Словно вены великаны.
Озеро из самолета,
Как вода на дне стакана.

Интересно, что веснушки,
Словно карта всей вселенной,
Родинки подобны звездам,
А морщинки – дар кометам.

Интерес – как символ жизни,
Как движение к началу.
Как ты в жизни удивлялся?
– Удивление сказало.

Интересно, как приходит,
Мудрость следом за годами.
Как меняешься и строишь,
Жизни мост и связь меж нами.

Владивосток. Один взгляд

Мой город ждет своим дыханьем осень,
Молчит и смотрит ночью на меня.
Я говорю с ним, только тихо очень,
Дарю ему любовь и свет огня.

Перетекая с пристани на сопки,
Блестят отнами фонарей его глаза.
И, не спеша, уходят мысли, а удовки
Уже готовы жизнью для меня.

Смотри. Ночь пришла. Она объяла мой город своей полупрозрачной тенью и желтый свет фонарей, уже дарит шагам направление мысли.

Смотри. Мы идем по пустынной улице, где нет никого. Уже покой окутал все окна, и только сны витают между домами, приставая ко мне со своими разговорами. Я спускаюсь и подымаясь с одной сопки на другую, чтобы ощутить дыхание моря и увидеть всю красоту и волшебство открывающегося с высоты полета моего мира.

Слышишь? Проехал одинокий трамвай, оставляя в сердце унисон перестукивания жизней. Он как одинокий странник, пришел и исчез, и только туман на секунду открыл свои объятья и тут же укрыл пропадающий звук своими руками. Где-то далеко раздались одинокие шаги. Они как неведомое присутствие, как взгляд из ниоткуда, рассказали о своей жизни.

Немного прохладно. Брат-ветер любит меня, он ни на секунду не отпускает своего свежего дыхания и всегда рассказывает о всех новостях. Вдалеке мерцают загадочные огоньки далекого берега. И там жизнь, и там люди, в чьих сердцах столько огня, что можно согреть всю вселенную.

Чувствуешь этот прекрасный запах? Запах, который принес из детства мой друг. Туман пахнет морем и сладковатым, едва уловимым запахом мазута, запахом порта. Сколько надежд и тепла я дарил этим улицам, сколько встреч и расставаний, смеха и слез, таят в себе эти каменные хранители времени?

Я спускаюсь с Орлиной сопки и иду вниз, по улице, которая хранит меня с самого рождения. Каждый мой шаг словно утопает в сотнях шагов, сделанных мной когда-то. Я молча здороваюсь с самим собой сквозь толщу лет.

Медленно ступаю на песок, и он вторит моему сердцу отпечатками, которые останутся здесь до следующего прилива. Прохладно. Хочется выпить и сидеть слушать шум моря. Здесь нельзя пить пиво, здесь можно только чувствовать. Я достаю флягу и горячими глотками коньяка повторяю движение волн, делаю несколько дыханий.

Можно сидеть на берегу целую вечность, главное чтоб не кончалось время.

Шутливо, в каком-то забытом танце, заигрывает со мной дорожка от фонарей. Ее блики на волнах разговаривают неведомым языком, но я понимаю его. Зачарованно я смотрю на море, и душа уносит меня через всю мою жизнь к моим мечтам и любви, к моим стремлениям и несбыточным надеждам, которые просто стали чем-то другим.

Позади, на востоке, уже проглядывает рассвет. Небо проснулось, и вдалеке донесся звук просыпающегося дня. Я ухожу. Это уже другая история.

Мой город, как любовь непостижима,
Несышен и укрыт моей душой.
Храню его. Как сердце пилигрима
Хранит мечту, найти в конце покой.

Мой город это сердце и слеза,
От счастья быть с ним будто братом.
Моих морей прозрачная вода
Несет всю жизнь мою куда-то...

Константин Дмитриенко

Про человека и зажигалку Clipper

Вот идет человек.

На голове у него нет ни шляпы, ни кепки –
просто волосы и немнога лысины,

на ногах у него туфли в сеточку, потому что на улице лето.

Он идет от магазина к киоску:

сигареты там купит, здесь зажигалку Clipper.

А глаза у него не голубые, не серые – тусклые.
от того, что поблекли, что ли.

Лето пахнет до одури, а осень, та – выглядит.
О зиме, что сказать, про весну, что подумать?

Вот идет человек

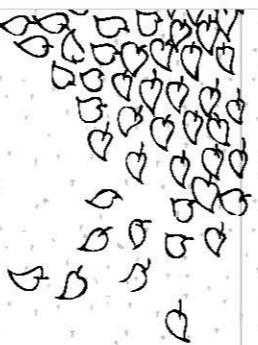
по маршруту еда-курево-вышивка.

В голове у него не совсем что бы пусто,
потому что место цистое

заполняется, как правило, временем,
стало быть, у него под «немного лысины»,
происходит четвертое измерение.

Вот идет человек через лето, легче чем
аромадер через пески Сахары,

и рассеянно отвечает девочке с пирсингом
на вопрос: «Мужчина, угостите меня сигареткой?»
«Ради бога, да только вряд ли вы такие депрессивные курите»...

Вот идет человек.

У него все нормально, в смысле – умеренно.

И не то что бы ему не хотелось большего,
просто так получилось –

в том времени, что заполнило место под «немного лысины»,
никогда не рождались такие мысли.

«больше-меньше», «два плюс два будет четыре»

От затяжки к затяжке, от вдоха к выдоху,
ничего не случается, кроме времени разве что,
да и кто сказал, что должно приключиться что-то?

Это ж вам не роман, это – жизнь по которой –
вот идет человек,

мимо девушек, мимо лета и осени мимо,
с каждым годом все меньше волос и все больше «немного лысины».

Вот идет человек

сквозь глаза его тусклые в голову лезет время,
происходит там, даже свернувшись, как кошка, клубочком.

Вот идет человек

От магазина к киоску.

Сигареты там купит, здесь зажигалку Clipper.

Март. Серый

Вот, значит, сижу я в не очень
престижном кафе, внимание
делится на:

любовницу, память о том, что есть у меня жена,
видео двух парнях стучащихся в небеса;
кофе,
«Посольскую» водку с лимоном.
Это – начало весны, после капели, в грязь
сыплется, претендуя на то, чтобы быть последним
если не в этом столетии, то хотя бы в этом году,
слякотный, липкий снег,
вот, значит сидим мы в кафе.

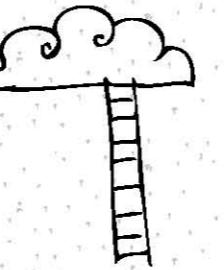
Водки – всего-то 100,
по 50 на каждого
я – похотливый кобель, мимикирующий под импотента.

О чём можно писать стихи?

Можно о давних снегах.

Можно писать о героях.

Можно писать о любви и о животных. Можно
о Боге и Дьяволе, об Армагеддоне грядущем,
можно писать о вере, но

Нужно
об этих
облупленных снегом и грязью,
«Ленд Крузерах» и «Коронах»;
о грязно-коричневой стенке, что из окна напротив;
о мусорных баках и сером
небе
переживающем течку;
о слякоти под колесами;
о том, что, не видя моря, тебе не грозит быть взятым, в компанию ангелов
горных, беседующих о волнах, а если степи не видел, тебя не примут другие,
ведущие гордые речи о бесконечности мира...

Когда заблудившись в чувствах,
не веря своим грязным мыслям,
похожим на эту слякоть,
сижу здесь, в кафе убогом, под треск проводов трамвайных,
касаясь бедра любовницы,
стыдясь предавать супругу,

тогда, когда запив «за наше...»
старательно комкаю зиму,
тогда понимаю, что нужно:
писать

«Двойные Вершины»
на материале Сибири,
и можно создать религию и уйма народа будет
скандировать мантру, похожую на
«Харе, Костя!»,
и можно беседовать с Ангелом
о море, степи и горах,
но это не многого стоит

Вот, в этом кафе, со слякотью
за окнами, грязными тачками,
ставшими снежными кучами,
с желтым огнем светофора и шепотом в ухо:
«Слушай,
я ввйду сейчас в уборную,
ты подойдешь через время»,
чтобы меж стен, перед зеркалом,
снова
Аруг другу.
Глубже.

Мне кто-то сказал, что в Америке были такие поэты,
Писавшие очень похоже
Об Этому же.
И точно так же,
Любившие грязь весеннюю
За то, что на ней любовники – как яркие пятна света,
А к свету дермо никакое не липнет...

Вот, значит, сижу я в кафешке, не самой престижной...

Селезнев Тим

«Лодки»

Лодки уходили в море,
Нас с тобою было двое
На распахнутом просторе,
У заброшенной земли,
Облака играли светом,
А вокруг сгорало лето,
Мы, не замечая это,
Целовались о любви

Лодки оставляли берег
Широту волнами мера,
На воде рисуя веер
Разрезали тишину,
Мы смотрели и молчали,
Забывая все печали,
Наплевать, что укачет -
Целовались на ветру

Лодки плыли, исчезали,
Позабыв о тех, что ждали,
А иные отправляли
Напоследок пару слов,
Мы их взглядом провожали
В затуманенные дали
И, недолго рассуждая,
Целовались про любовь

Лодки привозили мысли
О большом и звездно-чистом,
Привозили шрамы в сердце
И соленые мечты,
Облака играли светом,
А вокруг сгорало лето,
Мы с тобою целовались
До потери высоты

«Стихи пишутся иначе»

Стихи пишутся иначе,
Стихи пишутся другими,
Я знал, что ты будешь значить,
Я знал, ты не скажешь имя
А ты, если откровенно,
Тогда меня удивила,
Когда все вокруг молчали,
А ты вдруг заговорила,
Да так, что вскочили руки,
Ногтями в ладони впились -
Ты знала, а мы как будто
В тот миг еще не родились,
Слепыми глазами в небо,
Ведомые кем-то дети...
Плясать за краюшку хлеба,
Состариться на паркете -
И ради чего все это?
Они нам не объяснили,
А сами мы не хотели
И на тормозах спустили
Да так, что поднять не сможем...
Сидим вот теперь босые,
Не липа, а даже рожи
И ладанки все пустые...
И ты - огонек счастья,
Надежда, искра, снежинка,
Сгоревшая в одиночье,
Напомнившая, что живы,
По жилам все разогнали,
Сверкнула и испарилась,
На дав собой надышаться,
Не дав, чтобы все случилось...
И думаешь - как же лучше?
Не знать о тебе и близко,
Спокойно тянуть телегу
И пить ядовитый виски?
А может быть знать и верить,
Наивно толпу глазами
Скантировать, вдруг вернется
И снова проснется с нами,
Станнет, споет, заплачет,
Опять не расскажет имя...
Стихи пишутся иначе,
Стихи пишутся другими...

Во мне

Во мне
Останутся твои следы,
Как будто я песок... тебе
Сигналят маяки, лови
Последние прости

Во мне

Останется любовь твоя,
Убитая в чужой войне
За поиск смысла бытия
...Уж лучше бы меня...

...stock

